

Денис Лунин Волшебный театр

Денис Лунин

Волшебный театр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70617079

SelfPub; 2024

Аннотация

Учитель говорил, что «Театр на Кромке» волшебный. Не смотря на ужасное состояние он был наполнен таинственной жизнью, скрытой от посторонних глаз. Дети прибегали в заброшенный театр почти каждый день, если только дядька не загружал их работой.

Денис Лунин

Волшебный театр

Когда отступили повстанцы, грохот орудий стих и в город вошли скреподержцы.

Сапожник Серафим приказал племянникам не высовываться, вынул из-за печки рыжую кобуру и, натянув чёрный балахон с белой literой, выбежал на улицу.

Ефимка, десяти лет, и Варенька, шести, в прошлом году остались без родителей. Сапожник Серафим извлёк племянников из-под завала и забрал их к себе, когда узнал, что больше никто не выжил.

Дети ненавидели чистить сапоги и при первой возможности убегали в заброшенный театр. Ефимкин учитель истории, Карл Сергеевич, мягкий полноватый мужчина средних лет, носивший устаревшие очки в широкой землистого цвета оправе, ещё до войны привил детям горячую любовь к театру. Не к спектаклям, которых при жизни детей уже не ставили, но к самому зданию. Учитель говорил, что «Театр на Кромке» волшебный. Когда его разбомбили, он не погиб, не смотря на ужасное состояние, но продолжил жить своей таинственной жизнью, скрытой от посторонних глаз. Дети прибегали в заброшенный театр почти каждый день, если только дядька не загружал их работой.

Сегодня Серафим был особенно строг, но когда дети оста-

лись одни, им стало настолько не по себе, что они не смогли усидеть на месте.

Осторожно пробежав дворами, так что пару раз пришлось замереть в кустах, чтобы не попасть в лапы к патрульным, дети оказались у красивой заброски с выглядывающими из под руин мраморными мускулистыми бородачами.

Со всех сторон были слышны крики, шум тарахтящих моторов, редкие выстрелы.

Ефимка теперь только понял, что дядька не просто так строго наказал не высовываться. И ему в первый раз стало страшно. Он посмотрел на улыбающуюся Варю. За себя не так тревожно, как за сестру. А ей хоть бы хны. Шмыгнула разодранным носом и прищулив один глаз, кивнула в сторону разрушенного здания с колоннами. Ещё такая малявка, но уже такая артистка.

Аккуратно ступая, дети проникли в останки изувеченного театра. Их окружили перекошенные стены с нарывающими язвами и уставили на посетителей скелеты из арматуры, словно солдаты свои штыки. Страшно воняло бомжами. Брат с сестрой быстро поднялись по разбитым шрапнелью ступенькам на второй этаж, где тошнотворный запах немного отступал.

Дети пробрались на балкон, уселись в пыльные кресла, деловито откашлялись. Потом зажмурились, как учил их Карл Сергеевич, и проговорили волшебные слова: "Третий звонок – рот на замок".

Раздалась торжественная музыка. Ударил свежий морской ветер. Хлынули ароматы цветов и душистых трав. Ребята открыли глаза – театр мерцал в золоте и алмазах. Роскошная поверхность зелёных бортиков преломлялась в изумрудных лучах. В темноте вспыхнула сцена – райские деревья трепетали в белоснежных и розовых цветах, на ветках прыгали обезьянки, чуть выше щебетали райские птицы с яркими разноцветными перьями. На сцену вышли слуги с яствами на головах. Появился сверкающий трон с восседающим тучным царём в золотой короне и красной мантии.

Началось чудесное представление.

Ефимка и Варенька уже понимали, о чём театр говорил с ними через волшебных актёров. Он учил их добру и красоте.

Одно из сообщений повторялось каждый раз – только чистые сердцем наследуют истинный дух театра. И дети знали, что именно им предстоит возродить его былое величие.

В этот раз волшебная сцена прервалась на полуслове, смолкла музыка и в наступившей тишине проступила мрачная реальность разрушенного здания в сумрачном свете, проникающем сквозь пробоины. Услышав хруст бетонной крошки от десятка шагов дети испуганно пригнулись.

Трое солдат с винтовками вывели на сцену полноватого человека со связанными за спиной руками. В пленнике дети узнали Карла Сергеевича. Обрадованные, они подскочили на месте, собравшись громко поздороваться.

Учитель резко замотал головой. Ефимка всё понял и юрк-

нул обратно, увлекая сестру за собой. Солдат обернулся и не заметив посторонних, ударил учителя прикладом в живот. Историк крикнул и согнувшись, завалился на бок, а устаревшие очки в оправе землистого цвета отлетели и зацепились ушком за край сцены, да так и повисли, пустив солнечного зайчика детям в глаза, отчего им сразу стало теплее и немного уютнее. В этот момент на сцену вышел пятый актёр. Человек в чёрном балахоне с рыжей кобурой на поясе, сапожник дядя Серафим.

– Смирно! – прокричал он железным голосом. Учитель поднялся и выпрямился.

– За своё предательство вы подлежите немедленному уничтожению по закону военного времени!

– Серафим! Сам то хорош! Мерзавец! – историк плюнул в него. Тягучая слюна даже не отлетела, лишь повисла на подбородке, так что дети улыбнулись комичной неуклюжести своего учителя. В ответ дядя набрал воздуха и гаркнул непонятное "цельсьпли".

Солдаты спешно щёлкнули затворами, оглушительным эхом по зданию прогремел раскат грома, так что на головы детям посыпалась штукатурка и сильно захотелось чихнуть. А человек на сцене упал.

Брат обнял сестрёнку, зажал ей рот и глаза, хотя она всё равно ничего не успела понять. Ефимка не смог отвернуться и попытался хотя бы зажмуриться. Но было уже поздно. Он всё увидел. Как дядя вынул из рыжей кобуры револь-

вер и выстрелил упавшему в голову. После чего скомандовал "убрать" и ушёл в темноту.

Солдаты открыли люк на сцене и скинули тело вниз. Потом закурили. Двое молчали, третий всё время нахваливал уху, которой недавно пообедали у костра. Когда сцена снова опустела и вернулась безопасная тишина, дети выбрались из укрытия.

Варенька удивлялась, почему так загремело, зачем на сцене выступали дядя с учителем как настоящие актеры и почему они так быстро ушли. Ефимка молчал. Ему захотелось свернуться комочком и уснуть. Чтобы проснуться дома, между мамой и папой. Чтобы к чаю пришёл Карл Сергеевич. Ефимка подумал, что больше никогда их не увидит. Варя взяла его за руку и дети зажмурились.

"Третий звонок – рот на замок!"

Ефимка озадаченно замотал головой. На него смотрел всё тот же разлагающийся труп здания. Он украдкой повернулся к сестре. Глаза её светились, устремлённые на сцену, а рот приоткрылся в восторге. Грудь обожгло от обиды. Ефимка снова зажмурился и дрожащим голосом повторил: "третий звонок рот на замок".

Ничего не изменилось.

– Но почему? – крикнул он вверх.

Варенька наклонилась к брату и, не отрываясь от волшебного представления, прошептала: «Учитель сказал мальчику: ты увидел плохие вещи, поэтому изменился.»

Ефимка задрал колени и упёрся в них подбородком. Он долго сидел в таком положении. Слушал как смеётся и повизгивает счастливая сестра и никак не мог отвести глаз от сиротливо свисающих со сцены устаревших очков в оправе землистого цвета. Вдруг поднялся и сквозь хлынувшие слёзы, прокричал:

– Карл Сергеевич, я никогда не забуду волшебного театра! Когда ни будь я снова увижу сказку!

Варе показалось, что брат снова прослушал и она прошептала сказанное со сцены:

– Конечно, увидишь! Возвращайся, мы будем тебя ждать!